

карты разорения, мимолет и голод, убивают
стариков и детей, отбирают скот и т.д.,
Каскадут Женщин. Будем на трагиче-
ски восхвали Каскаду Вертоволю глав-
командующему всеми вооруженными силами
Армией Кавказа, Дамно как Божь.
Вместо казненных нас будут сопрова-
ждать мои солдаты. Предупреждаю:
за попытку к ~~бегству~~ бегству, расстрел!
Сейчас даю вам десять минут для
прощания с родными. Разойдись!

Кароу, стоявший во дворе. Быстро
замешкался. Мобилизованные бросились к
своим семьям. По всему двору слышались
стонами зовов.

Александр Гаврилович подошел к Васи-
лию Ивановичу и сказал:

— Так вот у меня. Их арестовать
за политическую, подозревают к контрреволю-
ционности к Давыдовичам. У Булатова, види-
мо были много политической литературы
и портреты Ленина и всё такое, запреще-
ное. А повезли их в Юргайскую тюрьму.
Из них разговаривал я только так: политический
с 1917 году, летом. Проходят вместе с остальными
Крестьянскими и солдатскими депутатами,
на которых выстурали Булатов, Сидоров
и другие. Шлози от требовали раздана

Кавенных Зламах Среди Двух земель и
мало заселенных Крестовских возвышен.
ну и арест Кокорина на этом месте, Вот
все это предположили и поминутно брели.

Войска пошла рину и скончалась.
— Но куда! Сидит же на четыре века
век на подводу. Солдатом зная свои
плоты, совсем тож Чкаловский!

Все мобилизованные направилась к восток.
Нена, матери, детки и бросились к своим
на шею. Обнимали, целовали, плакали. А среди
детки слышался крик: «Мама куда!»
«Милочка моя куда!»

Вот прощались, Народ отступил,
давая дорогу. Кто-то из мобилизованных
заметил:

«Эх, ты мама, моя мама,
Как тебе моя же мама?
Посадка на подводу
и скажи: — поезжай!»

Потом взяли на конную расе. Тропка
заставила колеса телег, отваливая назад
Голыми колесами дорожной пыли, котиров
грозь держалась в воздухе, титона неота
Сидит по сторонам Главной улицы.
Подводи скрываются околицей сели, но Народ
еще не расходился. Нена и матери стоя-
ли с затаенными глазами, держа на

руках детеныш.

— Странно все как-то получается: сверстники, сверстники и всемогущие все-все как же бывало. — сказал Василий Иванович.

— Я так понимаю: их нажимают Красная Армия, это одно дело. Второе то, что если объявят мобилизацию за речку, за реку или за две, разбегутся кто куда, вот и кривятся, вертятся. Даже возьми ты во внимание и то, что мобилизованных махали отправляли под конвоем. Одно это уже говорит о многом.

— Твой двоюродный Тимофей Гаврилович очень правдивый. Я так же понимаю. Он ведь прямо сказал: «За попытку к бегству расстрелять» Это еще раз подтверждается, что и Коммуна Женщины не ватные. Армия разлагается, а отсюда и все происходит. Взять тот же карательный отряд: зачем он нужен? Ясно, что для угнетения.

Тимофей Гаврилович и Василий Иванович отделились от толпы народа и целенаправленно поехали домой.

— Здравствуйте! Выходите, Наверно все проводили? — спросила Меликян Работница

— Да, проводили, — ответил Тимофей Гаврилович.

— Ах, какая беда, опоздала я. Ты вот Тимофей? Хотелись сказать, как газета пишут, говорят Никки-то Чуху сдари?

— Да, говорят, что сдари

— Ох, сожрали и наши-то гостю, как это страшно слышать.

— Страшно говорим?

— Конечно страшно!

— А, что тут страшного-то?

— Как же не страшно, придут Краски, последние коровы отпадут, хлеб всеядут и тама съедут!

— Ты Миронович не это говоришь, курма та слова говоришь.

— Курма? Макс Тимофей, что ты в церкву не ходишь.

— А если бы ходил, так что?

— А вот и то, последни бы, что отец-то Николай говорит. В прошлом воскресенье, после обеда проповедь читал, так сколько Того Нароту в Цевтви, все таками, Дольшии и милешки. Пришли я Дольгой от этой обеда, так расстроились, так расотроились. Протискались, да рюмку вина ~~в~~ выпили, тогда только как-как чоткоились.

— Что же он вам говорил?

— Отец-то Николай?

— Да.

— Ох, много он говорил. Больше про востану

говори. Теперь я и не признаю, что он
говори, а говори такая, страшная. С при-
ходом коммунистов махнула перецвета-
ми света.

— «Эх, Мироновна, Мироновна. Быва-
ла Мироновна, Мироновной и оттащишь.» —
подумал про себя Тимофей Таврилович.

Надательной отрядом колхозовцев.
Умелым разговаривала ему чужая вышка от
приказа и сдвигавших с фронта, а особенно
коммунистов.

Они долго и тщательно разговаривали
Бордавкина Якова Андреевича — коммуниста,
первого председателя Бордеевского, но их разговор
был без результатов. Начальник каро-
тельного отряда сидел рядом с ним с делами
последней пущей. Он вызвал к себе стар-
шего унтер-офицера Бетелевского и сказал:

— Возьми двух солдат и вот этого
старика, (он указал на Бикалова Степана
Александровича, дежурившего при Волосте) и
идите к Бордавкину, он покажет где
она живет.

— Выясните историю капитана!

— Вам же пойдет, допросите на месте!

— Выясните!

— Вам, что применить методу, он
Вам известен этот метод?

- Так точно!
- Выполнийте!
- Слушаюсь!

Матер офицер Бетехтин, двое солдат и Дед Бакалов вышли из ворот Волостной правления и поехали на погорельскую улицу, к Бородавкешной.

- Вот, в такой далике она живет, - показал рукой Дед Степан, намереваясь вернуться домой.

- Вы, что остановились? - спросил Бетехтин Деда Степана.

- Домой мне надо.

- Нет, нет. Идите с нами.

- А, что мне там делать?

- Хотяби в поветке!

- «Этот шут возьми, еще подумает, что я привел к ней солдат!» - бугаясь про себя Дед Степан.

Солдаты безцеремонно зашли в дом. Дед Степан осторожно присел на край скамейки, стоявшей у порога, стараясь не показывать свое лицо Бородавкешной.

Соловья Яковлева, Лемавская в постели, испуганно смотрела на вошедших солдат, натягивая на себя одеяло. В лицо было бледное, губы дрожали.